

«СТЕПЬ» А.П. ЧЕХОВА В ПРОЧТЕНИИ М. МЕСЁЯ

Ангелика Молнар
Венгрия, г. Дебрецен
manja@t-online.hu

Аннотация. В настоящем сообщении сопоставляются образы степи, представленные в повестях А.П.Чехова «Степь» и Миклоша Месёя «Высокая школа». Месёй подчеркивал огромное впечатление, произведенное шедеврами Чехова на него. По всей вероятности венгерский писатель читал «Степь» и опирался на нее при работе над «Высокой школой». Наш анализ фокусируется на сходствах и различиях презентаций некоторых компонентов степной природы, развертываемых и в метафоризацию акта письма.

Ключевые слова: Чехов; Месёй; «Степь»; «Высокая школа»; образ степи; сопоставление.

M. MÉSZÖLY READS ANTON CHEKHOV'S „THE STEPPE”

Angelika Molnár
Hungary, Debrecen
manja@t-online.hu

Abstract. In this paper the images of the steppe are compared in the short novels of A.P. Chekhov "The Steppe" and Miklós Mészöly "High School". Mészöly emphasized the huge influence of the Russian writer on him, therefore, it is likely that he also read and used "The Steppe" in his own work. The comparison is based on the similarities and differences in the authors' presentations of some nature picture components, which develop also into the metaphorization of writing.

Keywords: Chekhov; Mészöly; "The Steppe"; "High School"; image of steppe; comparison.

Переводчик Оксана Якименко называет Миклоша Месёя «ключевым автором» венгерской литературы второй половины XX века, который поменял «картину родного языка» и повлиял «на многих современных писателей» [Петухов]. «Высокую школу» перевел на русский язык Юрий Гусев [Месей 1997], однако других литературных произведений Месёя на российском книжном рынке, к сожалению, не найти, несмотря на то, что он упоминает Чехова среди своих любимых авторов, наряду с Достоевским и Толстым [Mészöly M. – Szigeti L. 1999: 16]. Русским читателям стоило бы также ознакомиться как с его высказываниями о собственных трудах [Mészöly 1977], так и с литературной критикой повести «Высокая школа» [Magasiskola 2004], чтобы получить более широкое представление об этом выдающемся писателе и его особом идиостиле. Настоящим кратко сопоставим некоторые общие

сюжетные мотивы и метафорические элементы в «Степи» Чехова и «Высокой школе» Месёя.

В повести Месёя представлен опыт главного героя (писателя), который он приобретает на соколиной ферме, расположенной на Великой равнине. На наш взгляд, образ степи восходит не только к венгерской литературной традиции, но и к повести Чехова «Степь», в которой презентуется путь главного героя Егорушки через степь к взрослой жизни. В связи с последней темой следует обратиться и к различным интерпретациям чеховедов [см. Ларионова 2006; Ларионова 2009; Кондратьева - Ларионова 2012; Катаев 2008; Волчкевич 2008 и др.].

В «Степи» Егорушка отправляется из дому в степь на «с громом» катящейся бричке (см. Чичиков), затем на обозе вместе с подвозниками (с более степными людьми). Чехов акцентирует тарыхтение и ветхость брички. Она называется и «ненавистной», вероятно, с точки зрения мальчика, потому что увозит его в гимназию учиться (взрослеть). В «Высокой школе» же герой-писатель прибывает в степь на грохочущем поезде (на современном виде транспорта), его встречает заведующий и они добираются на ферму на лошадях (на животных, как люди природы). Возвращаясь домой, герой-писатель рассматривает движение поездов на вокзале, акцентируя замкнутость и зловещность их металлических конструкций (рабство). Он и садится в такой поезд, в котором он может выбрать свободно свое меню, а затем дома написать произведение о пережитом.

У Чехова также имеется мотив рабства: бричка проезжает мимо острога. Увидя огражденное заведение, Егорушка вспоминает свои с матерью благодеяния. Пространство членится согласно движению брички и наблюдательской позиции путника: следуют кладбище и кирпичный завод, загрязняющий небо дымом, а затем открытое поле. Любопытно, что место захоронения людей, в том числе отца и бабушки героя, представлено в радужных (белых и вишневых) цветах, словно оно олицетворяет весну. Однако природный потенциал воскресения в сравнении мальчика, определяющего смерть, как сон, уже сменяется признаком неминуемого: падение спелой вишни воображается как памятники усыпаются «багряными, как кровь, точками» [С. VII. 14]. У Месёя же действие разворачивается на «Запретной территории», на которой обучают соколов уничтожать цаплей, наносящих ущерб рыбным прудам совхоза. Смерть маркируется установкой фокуса на черных глазах, как бусинках, либо на разодранных перьях и останках птиц-жертв / добыч.

В подробном описании степи также можно усмотреть много общего у русского и венгерского писателей. У Чехова детализируется восход солнца, как оно освещает бесконечные просторы. Согласно олицетворениям и метафорическим глаголам, полоса света «поползла», «коснулась», «понеслась», «улыбнулась» и т.д.. Другие сравнения основаны на сходстве с человеческой работой и поведением, и в конце

концов процесс венчается радостным ответом степи. Утром все высохшее воскресает с желанием зацвести. Это олицетворение однако превращается в противоположную сторону, так как уже в полдень более сильно проявляется отсутствие жизни на равнине: «обманутая степь приняла свой унылый июльский вид» [С. VII. 16].

Все, что может разнообразить вид степи у Чехова, также презентовано как мертвое, безжизненное: «каменная баба» или «высохшая ветла». Однако все это не только тропеизируется, но и субъективизируется: см. «ярко-желтым ковром, тянутся полосы пшеницы», и работа косарей через олицетворение инструмента представлена как дружная и радостная: «косы весело сверкают и в такт, все вместе издают звук» [С. VII. 17]. Вместе с тем наблюдатель по работающим людям и неспособной лаять собаке заключает, что «зной жжет и душит» [С. VII. 18]. Зной и скука определяют как человеческих фигур, так и саму поездку по степи. Сухость потрезвевшего дяди уподобляется «инквизиторской». Как улыбка, так и веселая мысль отца Христофора кажутся «застывшей от жары». Такой оксюморон только усиливает утомительное воздействие солнца. Окаменелость как наступившая смерть приводится словно мысль Егорушки: он и «бричка и лошади замерли в этом воздухе и, как холмы, окаменели бы и остались навеки на одном месте?» [С. VII. 26].

Подобное сближение солнца, птиц, звука, тоски и смерти характеризует и степь Месёя, однако без того ритмичного, словно лейтмотивного повторения (к примеру, «выжженная равнина, загорелые холмы, знойное небо»), что является главным свойством поэтики повести Чехова. В венгерской повести нет никакого проникновенного обращения к этому миру: повествование нарочито нейтрально, даже если оно дано от первого лица и текст пронизан сплошной метафоризацией. У Месёя жгучее солнце над степью также уподобляется человеческому артефакту, однако речь идет о сильной лампе, ослепляющей и держащей в рабстве человека. Подчеркивается безжизненность степи (жгучее солнце, душный воздух, все вымерло), ее потусторонний и безвременный характер – не видно ее в разное время суток, как у Чехова. В отличие от сплошного солончака венгерской повести, в «Степи» встречаются и зеленые холмы, правда, прожженные лучами солнца. В повести Месёя кроме акациевой рощи, где обитают соколы, растения уподобляются «скелетам», деревцы – «гномам» и т.д. Кажется, нет полезных культур, и копны собраны лишь для того, чтобы сорока смогла туда спрятаться от сапсана, преследующего ее. Небо и степь в обоих произведениях сопоставляются по общему признаку бесконечности и зеркальности, а такое пространство, наряду с жарой и духотой, вызывает в людях тоску и уныние.

Эту скуку воплощает у Чехова и птица – коршун. В отличие от Месёя, у которого одинокий орел кружит над степью, вместо хищнических свойств птицы (когти, клюв, добыча) в чеховском тексте акцентируются бесцельность кружения и размахивание крыльями. По последнему

признаку движения птица сближается с человеческим строением – мельницей, следовательно, они не являются лишь деталью степной картины. В развитом сравнении, присвоенном восприятию героя, мельница «похожа на маленького человечка, размахивающего руками» [С. VII. 18], и в «лиловой» дали (ср. мираж) все манет к себе Егорушку, словно Дон Кихота. Когда бричка приближается к ней, она в тексте олицетворяется: ветряк «глядел на Егорушку своим лоснящимся крылом и махал» [С. VII. 20] и обозначается, как «колдун». Кроме птицы «одинокий» и тополь, существование которого также «непонятное». Говорящий отмечает «зеленую одежду» дерева вопреки выжженности окружающего, и выражает к нему сочувствие из-за трудных условий, в которых оно проживает. Так все компоненты образа степи взаимосвязываются и вместе презентуют скуку.

Другие элементы этого мира также не позволяют освободиться от этого состояния, ибо птицы, оживляющие равнину, улетают. В отличие от приятного звука, издаваемого старичками, куропатками и сусликами, у сверчков отмечена унылая, монотонная музыка. Интересно, что помимо мельницы и иные человеческие артефакты также играют важную роль в создании образа степи, однако и они не разнообразят по-настоящему природу. В мире повести Чехова телеграфные столбы презентуются по изменению их размера: как они уменьшаются до «палочек, похожих на карандаши» [С. VII. 49]. На проволоках сидят «ястребы, кобчики и вороны», но и они наделены равнодушием. В повести же Месёя наоборот, блеск металлических проволок телеграфных столбов обманывает соколов, угрожая их жизни, кроме того, от ветра проволоки издадут звуки, напоминающие музыку. Различие наблюдается и в том, что «пронзительный крик» хищных птиц на ферме или шумный гул цаплей-жертв может сильно раздражать. Женщина кормит грызунов или лаского вылавливает суслика из норы, чтобы затем подать их соколам на съедение.

В «Степи» исключением из монотонии может быть тот момент, когда бричка останавливается у источника воды, которая благоприятно влияет на пассажиров своим «прохладным бархатом» и «ласковым журчаньем». Струйка тоже олицетворяется: «тихо ворча, точно воображая себя сильным и бурным потоком, быстро бежала куда-то влево» [С. VII. 20]. Здесь обитают и мелкие птицы. Повествование принимает их точку зрения, когда говорящему «в их писке слышались тревога и досада, что их согнали с ручья» [С. VII. 20]. Олицетворяется и речь воды: «мягко картавя, журчал ручеек», но звуки птиц и ручейка не нарушают тишину, «а, напротив, вгоняли природу в дремоту» [С. VII. 23]. Скучающий и страдающий от жары Егорушка здесь еще не поддается всеобщему сну, а старается занять себя, слушая «музыку» скрипача и выпивая воды. Этот ряд занятий слегка освежает героя, к тому же, оживляет и окружающий мир, так как каждое его составляющее обретает свой собственный язык в результате обращения к нему субъекта.

По дороге появляется и колодец с журавлем. Однако в данном случае акцентируется не чистота и свежесть воды, так как отрицательные персонажи Кирюха и Дымов представлены пьющими из него со смехом и произносящими «нехороших слов». Таким же зловецким событием является и то, как степные овчарки, словно адские собаки, нападают на бричку. Определение их хозяина старика «совсем ветхозаветной фигурой» [С. VII. 19] отсылает к дохристианским временам. В венгерской литературе о степи колодец с журавлем является устойчивым мотивом. У Месёя однако он отсутствует, возможно, именно по причине, наблюдаемой в повести Чехова. Герой-писатель представляет себя на дне озера, присваивая водному миру райское изобилие в противоположность пустоте солончака. В отличие от традиции изображения степи, большого стада (отары) овец также нет у Месёя. Свинопас не помогает заведующему фермой уловить сороку. Чужие люди вообще нарочно вредят ферме, так как не принимают дело, проводимое на ней.

Напомним в этой связи, что все живое желает дождя, поэтому и представлена борьба степи со солнцем за благотворную влагу. Однако когда наконец-то ливанет гроза – это одновременно означает и разрушение, не только преобразование степи и Егорушки. В мире повести Месёя также требуется дождь, однако здесь приводятся другие образы, так как степь за одно с небом и солнцем. Это объясняется, во-первых, тем, что в центре внимания венгерского писателя стоит иная проблематика, связанная с соотношением хищников и жертв. Во-вторых, буря уносит жизнь соколам, что вызывает желание героя-писателя покинуть ферму.

Отметим, что в силу такой постановки вопроса, птицы, представленные у Месёя, существенно отличаются от чеховских, за исключением чибиса, который плачевно предупреждает степь об опасности – о приближении людей на ферму. У Чехова эти птицы тоже плачут. Более того, тихое пение, услышанное Егорушкой и покрывающее всю степь, наделяется признаками, относящимися не только к русской народной или казачьей песне, но и голосу чибиса: «песня тихая, тягучая и заунывная, похожая на плач» [С. VII. 24]. Тоскливая песня присваивается выжженной солнцем траве (растению, желающему жить и погибающему «без вины»), однако затем выясняется, что ее пела баба, которая уподобляется цапле. Таким образом «тягучая песня» связывает растения, птиц и людей. Она и является настоящим «словом» степи?

Закат солнца представлен при помощи новых метафор и олицетворений: природа оживляется, пытается сбросить с себя «иго солнца», и ее явления сопоставляются с действиями человека: «кудрявое» облако «переглянулось со степью», «сильно рванул ветер» и «закружилась пыль, побежала по степи» [С. VII. 28]. Растение уподобляется птице (перекати-поле «завертелось»), а птица – насекомому («дрожа в воздухе»), а последующее развертывание этого ряда завершается полным оживлением и свободным полетом: «понесся в сторону» [С. VII. 29]. Для Чехова птицы нужны в качестве компонентов степи. В отличие от

боязливости стрепета, подчеркивается сердитость тоже «встревоженного» коростеля. Грачи «делают степь еще более однообразной» [С. VII. 17], но привыкли к ее изменениям и даже при вихре они дальше долбят «своими толстыми клювами черствую землю» [С. VII. 29].

В повести Чехова утверждается красота и жизненность вечерней степи, так как вечер приносит облегчение и свободу: «степь легко вздыхает широкою грудью» [С. VII. 45]. Отрицается «дневная старость», т.е. метафорически выжженность травы, и подчеркивается «веселая, молодая трескотня», разные звуки, которые мешаются «в непрерывный, монотонный гул, под который хорошо вспоминать и грустить». Здесь однако снова следует отрицание сказанного: если это и не «дневная» тоска, но все равно грусть, причем опять же акцентируется монотонность: эта «однообразная трескотня убаюкивает, как колыбельная песня» [С. VII. 45]. Развитые сравнения и метафоры напоминают другую новеллу Чехова – «Спать хочется» (см. «кричит сверчок»). В «Степи» также все преподносится сквозь призму сонного детского восприятия, однако мешают заснуть кричащие птицы: «птица, которую степняки зовут сплюком, кому-то кричит: "Сплю! сплю! сплю!", а другая хохочет или заливается истерическим плачем – это сова» [С. VII. 45]. Маркируется грусть и тревога в ночных звуках птиц. В повести Месёя герой-писатель также не может заснуть из-за доносящихся до него голосов птиц или же их угрожающего молчания.

Итак, у Чехова вечерняя степь представляет собой не только красоту, но и зловещие образы для наблюдающего субъекта: «темнели холмы, которые, казалось, заслоняли собой что-то неведомое и страшное» и «вся степь пряталась во мгле», а сквозь мглу меняется и восприятие: все «представляется не тем, что оно есть» [С. VII. 44-45]. Силуэты обманывают: не разгадать, монахи они или разбойники, однако выясняется, что каждый – «одинокий куст или большой камень». Весь окружающий мир переименуется в рецепции Егорушки, в которой возникают одни «туманные, причудливые образы». Параллельно этому и «природа настороже» и также олицетворяется: «ей жутко и жаль утерять хоть одно мгновение жизни» [С. VII. 46].

Здесь дается представление об очарованности в степи. Это ночное влияние, о котором см. ниже, разворачивается на другой день. Утром же солнце, борясь с курганом, снова «напряженно паялило свои лучи во все стороны и заливало горизонт золотом» [С. VII. 48]. Однако настало воскресенье, приносящее начало полному перерождению героя. Это проявляется и в его творческом отношении к слову. Степь изменилась и дорога тоже стала другой, «богатырской», широкой. «Своим простором она возбудила в Егорушке недоумение и навела его на сказочные мысли» [С. VII. 48]. Мальчик и воссоздает легенды о богатырях, «вроде Ильи Муромца и Соловья Разбойника», кроме того, в его воображении оживляются и рисунки о скачущихся шести колесницах «в священной истории».

В повести Месёя непривычная ночная тишина птиц уносит сон героя-писателя и наводит его на размышления о легендах. Он старается оживить и сотворить легенду сапсана Дианы, посмотреть на мир глазами высоко парящей птицы, однако в результате он сталкивается с брэнностью бытия, разочаровывается в деле фермы и уедет. В этом также можно усмотреть отклик на чеховскую повесть, в которой Егорушка все время фантазирует над увиденными явлениями, забывается и ему грезится понестись «за убежавшею далью». Герою под влиянием встречаемых каменных баб или ночных птиц, «на память приходят степные легенды», и «все то, что сам сумел увидеть и постичь душою» [С. VII. 46]. Степная легенда влияет на человека как живительная вода: «душа дает отклик прекрасной, суровой родине, и хочется лететь над степью вместе с ночной птицей» [С. VII. 46]. Однако здесь лететь с птицей также вызывает «тоску, как будто степь сознает, что она одинока, что богатство ее и вдохновение гибнут даром для мира, никем не воспетые и никому не нужные, и сквозь радостный гул слышишь ее тоскливый, безнадежный призыв: певца! певца!» [С. VII. 46]. А это не что иное как тоска по выражению тоски: требуется поэт или писатель, который воссоздает мир степи: «тягучие песни» и ночные кошмары и др. Таким певцом в результате и становится сам говорящий. Может быть это взрослый Егор? В таком случае взросление означает путь через степь к своему слову, способному поэтически презентировать и наделять мертвую природу жизнью. А восприятие, «точка зрения» Егорушки является маской, за которой скрывается субъект текста, создающий новые метафоры степи. Подобный прием можно усмотреть и в т.н. лирических отступлениях в конце первого тома «Мертвых душ».

Подводя итоги нашему краткому анализу, можно утверждать, что в связи с нарративной структурой повести Чехова следует говорить не лишь о присвоенной герою позиции говорящего, а об олицетворении дискурса. К таким заключениям можно прийти и в результате анализа повести Месёя, в которой желание героя создать «степную легенду» трансформируется в написание поэтического произведения, переосмысляющего легенды.

Итак, степь приобрела даже двух замечательных певцов, создавших особенный поэтический взгляд на нее.

Литература

- Петухов Григорий. Вечное одиночество венгерской литературы. Интервью с переводчицей Оксаной Якименко. (дата обращения: 19.05.2020) <https://gorky.media/context/vechnoe-odinochestvo-vengerskoj-literatury/>
- Месе́й Миклош. Высокая школа. (пер. Юрий Гусев) // Месе́й Миклош. Венгерская новелла. Повести. Budapest, Pont Kiadó. 1997. С. 5-75.
- Mészöly M. – Szigeti L. Párbeszédkísérlet. Pozsony, Kalligram. 1999.
- Mészöly Miklós. A tágasság iskolája. Budapest, Szépirodalmi. 1977.
- Magasiskola: In memoriam Mészöly Miklós. (szerk.) Fogarassy Miklós. Budapest, Nap Kiadó. 2004.

- Ларионова М.Ч. Миф, сказка и обряд в русской литературе XIX века. Ростов-на-Дону, 2006.
- Ларионова М.Ч. Повесть А.П. Чехова "Степь": традиционно-культурный универсум // Труды Южного научного центра Российской академии наук. Ростов-на-Дону, 2009. Т. 5. С. 344-358.
- Кондратьева В.В., Ларионова М.Ч. Художественное пространство в пьесах А.П. Чехова 1890-х–1900-х гг.: мифопоэтические модели. Ростов н/Д, 2012.
- Катаев В.Б. «Степь»: драматургия прозы // Таганрогский вестник. Вып.3. Мат-лы междунар. научно-практ. конф. «"Степь" А.П. Чехова: 120 лет». Таганрог, 2008. С. 1-8.
- Волчкевич М.А. «Степь» – «волшебная сказка» А.П. Чехова // Таганрогский вестник. Вып.3. Мат-лы междунар. науч.-практич. конф. «"Степь" – 120 лет». Таганрог, 2008. С. 129–137.

Молнар Ангелика – PhD доцент, Институт Славистики, Дебреценский университет.

Molnár Angelika – PhD, associate professor, Institute of Slavistics, University of Debrecen.

Contact details / Dane kontaktowe:

Molnár Angelika – Institute of Slavistics, University of Debrecen Debreceni Egyetem: 4032 Debrecen, Egyetem tér 1.